

РАБОЧИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ И БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Б. В. Лукьянов

Идеологи современной империалистической буржуазии пытаются прикрыть эксплуататорскую сущность капиталистического строя разговорами об «исчезновении классов», переходе капитализма к «бесклассовому» обществу через рост «среднего класса», рассуждениями о «народном капитализме» и т. п. Однако эти псевдонаучные «теории» не представляют собой ничего оригинального. Они являются приспособлением применительно к новым историческим условиям старых, враждебных рабочему классу идей, давно уже потерпевших в борьбе с марксизмом полное банкротство. Такие «теории» направлены, в конечном счете, к тому, чтобы парализовать революционную энергию пролетариата, внести в его ряды идейный разброд и неверие в возможность совершить социалистическую революцию. В этой связи представляется весьма актуальным изучение русской политико-экономической литературы последней четверти прошлого века, на страницах которой запечатлены различные суждения по рабочему вопросу. Советскими учеными в данном направлении уже проделана значительная работа. Показателем этого могут служить, например, вступительные статьи акад. А. М. Панкратовой к сборникам документов «Рабочее движение в России в XIX веке»¹.

Определенным вкладом в изучение содержания названной темы является также ряд научных работ, напечатанных в сборнике, посвященном памяти А. М. Панкратовой². Отметим также, что в последний период наша историческая наука исполнилась книгами, посвященными истории рабочего класса нашей Родины. Об активизации творческой деятельности советских ученых по изучению рабочего вопроса в России свидетельствует научная сессия, проведенная 21—23 декабря 1959 г. в Институте истории АН СССР, по вопросам формирования русского пролетариата.

Рабочий вопрос по своему конкретному содержанию охватывал ряд проблем (возникновение класса наемных рабочих, его положение и роль в капиталистическом производстве, отношение различных классов и государства к пролетариату и вместе с тем отношение последнего к другим классам и государству, место и значение рабочего класса в буржуазном обществе, борьба его за осуществление своей исторической миссии). Все эти стороны рабочего вопроса оказались в центре внимания общественной мысли в связи с исторической обстановкой, сложившейся в России после реформы 1861 года. Как отмечал В. И. Ленин, «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых

¹ А. М. Панкратова. Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX века. Сборник документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 1. М. 1950; ее же. Рабочий класс и рабочее движение в России в 1885—1894 гг. «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. III, ч. 1. М. 1952.

² «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сборник статей, Памяти акад. А. М. Панкратовой. М. 1958.

старых странах Европы целые века»³. Подъем в промышленности сопровождался быстрым ростом численности рабочих, в особенности на крупных капиталистических предприятиях. Одновременно происходило качественное изменение состава пролетариата, поскольку крупная машинная индустрия производила решительный переворот в условиях его жизни, отделяя окончательно рабочих от земледелия и вековых традиций патриархальной деревенской жизни. К концу XIX в. около половины рабочих в России были уже потомственными пролетариями, терявшими экономическую связь с деревней⁴.

Тяжелые условия труда, политическое бесправие и пережитки феодального гнета толкали рабочих на борьбу против своих эксплуататоров. Эти выступления, носившие вначале стихийный характер, с течением времени становились все более организованными. Пролетариат пробуждался, начиная осознавать свои классовые задачи. У пролетариата появились свои классовые организации — «Южнороссийский союз рабочих», «Северный союз русских рабочих». Правда, они не были еще марксистскими и не освободились от некоторых народнических ошибок. Однако в отличие от народников эти организации ориентировались на пролетариат, пытались определить самостоятельные задачи русского рабочего движения. Последнее, вливаясь в общий поток освободительной борьбы в стране, придавало ей необычайную силу. Развитие рабочего движения в России подготовило почву для возникновения первых марксистских групп и перехода в дальнейшем к новому, пролетарскому этапу в русском освободительном движении.

Группа «Освобождение труда», созданная Г. В. Плехановым в 1883 г., «теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» в России⁵. Задача соединения социализма с рабочим движением была поставлена только В. И. Лениным в условиях подъема массового рабочего движения в середине 90-х годов XIX века. Им был основан в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», значение которого в русском рабочем движении поистине не оценимо. Он послужил могучим толчком к объединению марксистских и рабочих организаций России в единую революционную пролетарскую партию. Начался новый, пролетарский этап революционного движения в нашей стране. Русский пролетариат превращался в авангард международного рабочего движения, а Россия конца XIX — начала XX в. стала центром мирового революционного движения. В связи с этим в последней четверти XIX в. русская печать различных направлений была буквально заполнена спорами вокруг рабочего вопроса.

Реакционные публицисты того периода, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, С. Ф. Шарапов и др., выражая интересы помещиков, рассматривали возникновение наемных рабочих как преходящее явление, результат неумелого хозяйствования буржуазии. Они упрекали последнюю в том, что она породила пролетариев, и вместе с тем делали вид, что сочувствуют тяжелому положению рабочих и пекутся об их нуждах. Когда же рабочие выступали против эксплуататорских классов, идеологи дворянства сбрасывали маску гуманности и решительно становились на сторону буржуазии. В таком их поведении рельефно проявилось присущее помещицкому классу двуличие, подмеченное еще К. Марксом и Ф. Энгельсом⁶.

Вопреки действительности дворянские идеологи считали наемных рабочих частью крестьянства. Редактор реакционного журнала «Гра-

³ В. И. Ленин, Соч. Т. 1, стр. 95—96.

⁴ Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М. 1893, стр. 1—57; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1956, стр. 163—167.

⁵ В. И. Ленин, Соч. Т. 20, стр. 255.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 448—449.

жданин» князь В. П. Мещерский называл наемных рабочих «фабричными крестьянами». Страшась возникновения в России пролетариата, подобного западноевропейскому, который потрясал в то время (1848, 1871 гг.) устои старого мира, дворянские идеологи утверждали, что в России не может быть рабочего вопроса. Уже в пору относительно развитого промышленного капитализма Катков утверждал: «У нас нет пролетариата в специальном значении этого слова, нет, следовательно, и рабочего вопроса»⁷.

Аналогичные суждения высказывали и другие защитники помещичьих интересов. Они не понимали природы рабочего вопроса, не видели, что последний порожден капиталистическим способом производства, который развивался в стране. По их мнению, рабочий вопрос в России принципиально отличался от рабочего вопроса на Западе. Там, утверждали они, имеется пролетариат, в России же рабочие не отделены от крестьян. В этом сказывалась одна из существенных черт мировоззрения класса помещиков — видеть только две основные силы: помещиков и крестьян, хотя в стране уже формировались новые классы — буржуазия и пролетариат. Рабочий вопрос дворянские идеологи сводили поэтому лишь к «правильным» взаимоотношениям между «хозяином» и «работниками». «Если у нас есть нечто похожее на рабочий вопрос, — писал Катков, — то он находится в фазе чисто юридической и административной»⁸.

Не понимая сущности взаимоотношений предпринимателей и рабочих, дворянские идеологи рассматривали их лишь как договорные отношения в рамках существовавшего государства. Они рассуждали так: будут законодательно оформлены в договоре обязанности хозяев и рабочих — не будет конфликтов, не будет и рабочего вопроса. Они писали о возможности идиллических отношений между «хорошим хозяином» и «честным, высоконравственным и трудолюбивым» работником — «христианином», освященных законами помещичьего государства⁹. Характерны высказывания С. Ф. Шарапова, консервативного публициста, яркого защитника дворянских интересов. В своей книге «Русский сельский хозяин», подвергнутой В. И. Лениным в 1897 г. беспощадной критике¹⁰, Шарапов проповедовал «союз барина и мужика», основанный на крепостнических порядках: «...русское хозяйство, чтобы найти верную нравственную почву, должно быть построено на тесной солидарности барина и мужика»¹¹.

Дворянская печать того времени пестрела рассуждениями о том, какими должны быть договорные отношения между хозяином и работниками. Найти их форму стремилось и царское правительство, создавая специальные комиссии для «составления проектов законоположений об отношениях хозяев, работников и домашней прислуги». Уже в 70-е годы были сформированы три комиссии по рабочему вопросу: одна под председательством члена Государственного совета А. Игнатьева, другая под руководством министра внутренних дел А. Е. Тимашева и третья, возглавляемая министром государственных имуществ П. А. Валуевым. Составленные комиссиями проекты были представлены на рассмотрение Государственного совета. В «Правительственном вестнике» были напечатаны проекты комиссии П. А. Валуева, послужившие объектом оживленной полемики¹². Реформа 1861 г. явилась, как известно, историче-

⁷ М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1884 года. М. 1898, стр. 297.

⁸ «Московские ведомости», 14 февраля 1871 года.

⁹ Журнал «Гражданин», 27 марта 1872 г., № 13, стр. 443.

¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 450—453.

¹¹ С. Ф. Шарапов. Русский сельский хозяин. СПб. 1894, стр. 25.

¹² См. «Проект положения о найме рабочих». «Правительственный вестник», 4, 5, 6, 8 апреля 1875 г.; «Проект правил о найме прислуги». «Правительственный вестник»,

ской вехой последовавшего затем изменения всего уклада российского государства, шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную¹³. Этот факт нашел свое отражение и в опубликованных проектах по рабочему вопросу — в своеобразном, эклектическом переплетении противоречивых помещичьих и буржуазных взглядов на договорные положения о найме рабочих. Об этом, например, свидетельствует противоречивая трактовка «Проектом» роли «рабочей книжки», одного из главных условий договора между «нанимателем» и рабочими: обязательность этого документа тут же, последующим параграфом, для ряда важных хозяйственных работ отменяется¹⁴. Не случайно именно по вопросу о значимости «рабочей книжки» разгорелась острая полемика между ревностным защитником интересов помещиков М. Н. Катковым и выражавшим в этом споре, по существу, интересы либеральной буржуазии А. А. Головачевым¹⁵. Будучи в противовес Головачеву яростным сторонником введения «рабочей книжки» в договорную систему, Катков возводил этот документ в степень важного государственного и хозяйственного мероприятия, несущего якобы укрепление разорвавшимся дворянским поместьям, «повышение заработной платы» (что свидетельствовало об абсолютном непонимании Катковым категорий, порожденных капиталистическим способом производства) и «нравственную благонадежность» рабочих. «Быть или не быть обязательным рабочим книжкам — вот, можно сказать, главный спорный пункт вопроса, обсуждаемого теперь в соединенных департаментах Государственного совета», — писал Катков. Указывая на расстройство помещичьих хозяйств, он заявлял: «Положить конец такой неурядице, по суждению сведущих людей, может только обязательность рабочих книжек»¹⁶. Знакомство с полемикой, развернувшейся вокруг договорных отношений, свидетельствует о том, что эти споры выявляют подоплеку истинных намерений помещиков — посредством кабальных договоров привязать рабочую силу к дворянским именьям и тем самым закрепить свое господство в стране, затормозить развитие капитализма.

Однако, когда под воздействием нараставшего рабочего движения стала разворачиваться борьба рабочего класса за свои права, идеологи дворянства вынуждены были выйти за рамки рассуждений о рабочем вопросе как явлении чисто юридического и договорного порядка и высказаться по его животрепещущим проблемам. Эти заявления отличались тем же сугубо классовым пониманием вопроса и лицемерием. Показательны в этом отношении высказывания о штрафах, получивших широкое распространение на фабриках и возбуждавших волнения и стачки рабочих. Например, Катков, не вникая в сущность штрафов, в одном случае, желая снискать себе популярность среди рабочих, лицемерно объявлял штрафы злом и попрекал за это буржуазию¹⁷. В другом же случае, когда штрафы превращались в причину острых классовых конфликтов, он высказывался за их необходимость¹⁸.

Характерны для идеологов дворянства взгляды на рабочие организации; они представляли их лишь в виде рабочих касс, «рабочих артелей» и т. п. или в форме товариществ шульце-деличевского типа под

11 апреля 1875 г.; «Проект правил об отдаче и приеме в обучение ремеслам, мастерствам и техническим производствам». «Правительственный вестник», 20 апреля 1875 года.

¹³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 88.

¹⁴ См. «Проект положения о найме рабочих». «Правительственный вестник», 4 апреля 1875 г., стр. 1.

¹⁵ См., например, статьи М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», 30 апреля 1875 г.; 11, 16, 25 января 1876 г. и работу А. А. Головачева «Проект положения о найме рабочих и прислуги». «Отечественные записки», июнь 1875 г., стр. 193—230.

¹⁶ «Московские ведомости», 16 января 1876 года.

¹⁷ «Московские ведомости», 19 января 1885 года.

¹⁸ «Московские ведомости», 29 мая 1886 года.

строжайшим надзором полицейского государства. К революционным организациям пролетариата они относились с ненавистью. Со страниц журнала «Гражданин» и газеты «Московские ведомости» не сходили клеветнические статьи, направленные против I Интернационала.

Классовая политика дворянских идеологов проявилась особенно резко в их отношении к рабочему движению. Они объявили забастовки государственным преступлением и призывали к беспощадному их подавлению. Не понимая природы классовых конфликтов, они видели главную причину стачек в подстрекательстве революционеров. Показательны в этом отношении статьи Мещерского и Каткова по поводу оправдательного судебного приговора участникам знаменитой Морозовской стачки 1885 года¹⁹. Катков утверждал, что она была «подделкой под рабочие движения во Франции и Бельгии», что ее инспирировали «дрессированные подстрекатели и руководители». Идеологи дворянства ликовали по поводу жестоких приговоров царских судов тем, кто вел мужественную борьбу с абсолютизмом, за дело рабочего класса.

Значительное место занимал рабочий вопрос в народнической литературе. Ошибочно считая капитализм «случайным явлением» в России, народники отрицали передовую роль рабочего класса в развитии общества и рассматривали крестьянство как главную революционную силу в стране. В действительности же крестьянское движение, взятое само по себе, представляет, по существу, не социалистическое, как думали народники, а лишь демократическое движение²⁰. Крестьянские восстания приводят к победе только тогда, когда они сочетаются с рабочим движением и рабочий класс руководит ими. Пролетариат как самый революционный, передовой и организованный класс буржуазного общества самой историей призван объединить вокруг себя все эксплуатируемые слои города и деревни и повести их на решительную борьбу за революционное преобразование капиталистического общества в коммунистическое.

Нельзя, однако, не отметить, что некоторые из народников первыми в истории освободительного движения в России начали вести пропаганду среди фабрично-заводских рабочих, которая особенно усилилась в 70-х годах в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и др.²¹ Революционные народники, обращаясь к рабочим, видели в них прежде всего крестьян, временно оторванных от обычных занятий. Народничество со временем, как известно, из революционного течения превратилось в либеральное, что было связано с глубокими социально-экономическими процессами, которые произошли в русской деревне в результате развития капитализма. Либеральные народники, выступавшие в условиях усилившегося расслоения крестьянства, являлись выразителями интересов кулачества. Народничество, подчеркивал В. И. Ленин, стало «теорией реакционной и вредной, сбивающей с толку общественную мысль, играющей на-руку застою...»²². Сквозь призму своих реакционных теорий рассматривали либеральные народники и рабочий вопрос.

Являясь сторонниками антинаучного субъективного метода в социологии, отвергая взгляд на развитие общества как на естественноисторический процесс смены общественных формаций, либеральные народники отрицали «правильность распространения общего процесса на Россию»²³. Они утверждали, что Россия не должна обязательно следовать за Западом, что капитализм в ней — случайное явление, которое не имеет перспектив, а следовательно, не будет расти и пролетариат. За-

¹⁹ «Гражданин», 1 июля 1886 г., № 44; «Московские ведомости», 29 мая 1886 года.

²⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 409.

²¹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 1, стр. 60—61.

²² В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 483.

²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 405.

падноевропейский рабочий вопрос, по мнению либеральных народников, принципиально отличался от рабочего вопроса в России, где он якобы целиком был подчинен крестьянскому вопросу. Типичными в этом отношении были суждения Н. К. Михайловского. Поскольку на Западе, рассуждал он, новый экономический порядок складывался стихийно, когда экономическая наука еще не существовала и нравственные идеи были крайне «грубого свойства», то свыкшиеся со всем этим разум и чувства уже в значительной степени утратили способность возмущаться. «Поэтому вполне естественно,— заключал Михайловский,— что во всем опередившие нас государства не разрешили своего рабочего вопроса»²⁴. Отсюда он делал вывод, что рабочий вопрос на Западе являлся революционным, так как решение его требовало передачи условий труда в руки работника. В России же рабочий вопрос был, по его мнению, консервативным, ибо здесь необходимо лишь сохранить условия труда работника и гарантировать их, в том числе путем законодательного закрепления крестьянской общины²⁵. Под условиями труда Михайловский мыслил только землю, и, следовательно, вся революционность рабочего вопроса на Западе сводилась у него к возврату рабочих к земле; консервативность же рабочего вопроса в России мыслилась им как сохранение земли в руках работника в рамках общины. В этих суждениях о рабочем вопросе выступает особенно ярко лицо либерального народника, мечтавшего увековечить мелкого производителя и гнетущие его феодальные пережитки, привязать его навсегда к общине, в которой господствовал кулак.

Либеральные народники прибегали и к такому доводу: в отличие от Западного пролетариата в России является величиной, «тонущей в массе крестьянства», представляя при этом часть последнего, временно оторванную от земледелия. Пытаясь отрицать наличие пролетариата в России, Михайловский писал: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их»²⁶. В. И. Ленин саркастически заметил по этому поводу: «...в России нет пролетариата!! Я думаю, что г. Михайловскому следовало бы живому поставить памятник за эти классические слова!»²⁷.

Одним из глубоко ошибочных взглядов либеральных народников по рабочему вопросу являлось превратное понимание ими состава и численности рабочего класса, вытекавшее из неправильного подхода к капитализму. В это понятие они включали одну только фабрично-заводскую промышленность. Начальные же формы капиталистического производства и в земледелии и в промышленности они искусственно отделяли от капитализма и относили к «народным формам» хозяйства. В соответствии с этой схемой сбрасывались со счета миллионы наемных рабочих, в том числе громадное число «кустарей», сельских пролетариев, строительных рабочих и т. д. Опираясь на порочные статистические данные (Воронцов, Карышев) и фальсифицированные положения (Даниельсон), либеральные народники пытались «доказать», что численность рабочих постепенно падает или же ее увеличение в сравнении с ростом населения идет гораздо медленнее. В. И. Ленин разоблачил всю фальшь этих «утверждений» и показал, что в действительности темпы роста числа рабочих крупной промышленности обгоняли темпы роста населения страны²⁸.

Либеральные народники утверждали, что при «правильных» действиях государства рабочему классу предстоит возврат в лоно крестьян-

²⁴ Н. К. Михайловский. Соч. Т. 1. СПб. 1896, стр. 694.

²⁵ См. там же.

²⁶ Журнал «Русское богатство», январь 1894 г., № 1, стр. 122.

²⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 179.

²⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 433—443.

ской общины и пресловутого «народного» производства²⁹. Эти «пророчества», характеризующие реакционность либерально-народнических воззрений по рабочему вопросу, основывались на фактах, почерпнутых не из жизни наемных рабочих, а из жизни «мастерков» в «кустарной» промышленности, которые в период неблагоприятной промысловой конъюнктуры покупали участки земли и заводили на них хозяйства на капиталистической основе.

Все эти и подобные им суждения о пролетариате имели своей конечной целью доказать, что рабочий класс в России был якобы слишком ничтожен «для того, чтобы претендовать на руководящее значение в ближайшем будущем страны»³⁰. Эти «теории» были полностью опровергнуты русскими марксистами, в особенности В. И. Лениным, подчеркивавшими быстрый рост численности русского пролетариата и его значимости в жизни страны³¹. Либеральные народники не могли понять природу относительного перенаселения и огромного его влияния на судьбы пролетариата. Они видели в резервной армии рабочих лишь дополнительный «аргумент» против капитализма и устрашали общество бедствиями относительного перенаселения.

Характерно также отношение либеральных народников к труду. Всячески принижая «фабрично-заводской» труд, они заявляли, что «городские рабочие развращены больше деревенских»³², что наемный труд является «безразличным» и порожден страстью рабочих к бродяжничеству³³ и т. п. При этом игнорировался тот факт, что рабочие, возвращавшиеся в деревню, были здесь носителями новых идей, будивших в крестьянах чувство человеческого достоинства, веру в свои силы. Либеральные народники идеализировали труд крестьянина в общине (в ней хозяйничал уже кулак), выдавая его за «чистую идею труда», «святую обязанность»³⁴. Они порицали «отходничество», выражая симпатии «местным заработкам», а по существу, «отработкам» у помещиков и кулаков; они восхваляли труд «кустаря», а фактически капиталистическую систему работы на дому.

Следовательно, либеральные народники не подвергли труд сколько-нибудь серьезному анализу. Их интересовали только те его стороны, которые давали возможность оттенить преимущества труда крестьянина или «кустаря». Они не видели, что труд в машинной индустрии испытывает не только отрицательное, но и прогрессивное влияние капитализма, поднимая сознание вовлекаемых в крупное производство людей и сплачивая их перед лицом классового врага.

Исходя из глубоко ошибочного суждения о капитализме как случайном явлении в России, либеральные народники отрицали наличие классовой борьбы пролетариата. Если они и отмечали иногда те или иные конфликты, то видели их причину не в эксплуатации одного класса другим, а в субъективных факторах политического и культурного порядка. По их мнению, стоило только государству провести ряд политических и культурных мероприятий — и все конфликты исчезнут. Отрицанием классовой борьбы объясняется то пренебрежение (а порой и прямая вражда), с которым они относились к рабочему движению. Драматические моменты классовых конфликтов расценивались иногда либе-

²⁹ В. В. Разделение труда земледельческого и промышленного в России. «Вестник Европы», июль 1884 г., кн. 7, стр. 326, 337, 352—353, 355; его же. Очерки кустарной промышленности в России. СПб. 1886, стр. 41.

³⁰ В. В. Наши направления. СПб. 1893, стр. 113.

³¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 433—443, 489—493, 497—499, 509—514, 526—528.

³² «Отечественные записки», 1879, № 2, стр. 150.

³³ В. В. Судьбы капитализма в России. СПб. 1882, стр. 168; его же. Разделение труда земледельческого и промышленного в России, стр. 327.

³⁴ С. Н. Южаков. Вопросы гегемонии в конце XIX века. Журнал «Русская мысль», апрель 1885 г., кн. IV, стр. 50—51.

рально-народнической печатью как «курьезные формы»³⁵. В этой же литературе допускались и прямые насмешки по адресу рабочих организаций. Михайловский, например, высмеивал английские рабочие организации за их строгую товарищескую дисциплину³⁶. Это и понятно: либеральному народнику, идеализировавшему раздробленное товарное хозяйство с его неограниченной конкуренцией, была чужда добровольная, сознательная, но строгая дисциплина рабочих ассоциаций. Враждебное отношение либерального народничества к рабочим организациям особенно проявилось в злопыхательской статье Михайловского, направленной против Международного товарищества рабочих — Интернационала³⁷.

В совокупности воззрений либеральных народников на рабочий вопрос резко выделяются их отрицательные суждения о творческих способностях пролетариата. Последний, говорили они, «может представлять интерес как сила разрушительная, но не как основа созидательной социальной работы»³⁸. Воронцов даже ратовал за «переселение» рабочих из городов в деревни, чтобы предотвратить образование «излишнего и беспокойного промышленного населения»³⁹. Эта злобная клевета на рабочих опровергалась их повседневным созидательным трудом, ее опровергал замалчиваемый либеральными народниками опыт Парижской коммуны, которая продемонстрировала на весь мир творческие способности пролетариата.

Реакционнойшей чертой либерального народничества является его отношение к подлинной идеологии пролетариата — марксизму. Начавшееся проникновение марксизма в рабочее движение России привело к тому, что либеральное народничество открыло яростный поход против русской социал-демократии. Пролетарские революционеры во главе с В. И. Лениным ответили на него решительным контрнаступлением. Они показали, что «хозяйственный мужик», о котором так много говорили либеральные народники, есть кулак, нещадно эксплуатировавший наемный труд в «общине» и в «народной промышленности». В историческом сражении с научным социализмом либеральное народничество было разбито и отброшено как реакционная доктрина, мешавшая развитию классовой борьбы в стране.

Наиболее широкое отражение рабочий вопрос получил в буржуазной литературе последней четверти XIX века. Идеологи буржуазии, рассматривавшие капитализм как абсолютную, конечную форму общественного производства, видели в пролетариате класс, присущий капиталистическому обществу, и вместе с тем признавали наличие в России и рабочего вопроса. В пестроте высказанных ими взглядов на рабочий вопрос можно установить два главных направления: открытую и замаскированную защиту интересов буржуазии.

Представители первого направления — Ю. Г. Жуковский, Н. Х. Бунге, Л. З. Слонимский и другие — прежде всего пытались отрицать решающее значение рабочих в капиталистическом производстве. Опираясь на псевдонаучные положения вульгарной политической экономии, они пытались опровергнуть марксистское положение о том, что рабочие являются основной силой в производстве материальных благ при капитализме и что именно они создают прибавочную стоимость. Буржуазные идеологи объявляли, что пролетариат не имеет права претендовать на улучшение своего положения в обществе. Зато капиталистам они приписывали роль «истин-

³⁵ В. В. Судьбы капитализма в России, стр. 23.

³⁶ Н. К. Михайловский. Соч. Т. 3. СПб. 1909, стр. 193.

³⁷ Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. «Русское богатство», январь 1894 г., № 1, стр. 110.

³⁸ В. В. Наши направления, стр. 139—140.

³⁹ В. В. Разделение труда сельскохозяйственного и промышленного в России, стр. 326—327.

ных деятелей» производства. В основу этих утверждений они клали превратную трактовку капитала как средства производства, вещи как внеисторической категории, присущей всем ступеням развития общества. При этом они отрицали наличие в капитале переменной его части, то есть наемной рабочей силы.

Один из идеологов буржуазии, «пошло-буржуазный»⁴⁰ Ю. Г. Жуковский, утверждал: «...ни одно из условий, перечисляемых Марксом, ни свобода распоряжения трудом, ни вынужденность продавать его в форме труда не составляют условий, которые бы были нужны для начала капитала вообще»⁴¹, отбрасывая, таким образом, одно из главных условий образования капитала — наемного рабочего.

Аналогичное понятие капитала давал Н. Х. Бунге⁴². Такой же типичной для открытых идеологов буржуазии трактовкой капитала были суждения корреспондента буржуазно-либерального журнала «Вестник Европы» Л. Слонимского, который в течение десятилетий пытался опровергать учение К. Маркса. Понимая капитал как внеисторическую категорию, Л. З. Слонимский делал вывод: «Эксплуатация не составляет необходимой функции капитала в капиталистическом производстве»⁴³.

Трактовка капитала как вещи, за которой стоит ее собственник — «вечный капиталист», давала буржуазным идеологам возможность отрицать факт создания наемным рабочим прибавочной стоимости и таким образом внушать пролетариям мысль о незначительной их роли в производстве. К. Маркс, как известно, вскрыл всю несостоятельность буржуазного учения о капитале как вещи. Но идеологи буржуазии преднамеренно игнорировали научный анализ труда и определение Марксом капитала, учение о прибавочной стоимости. Опираясь на превратную трактовку капитала, они демагогически заявляли, что труд рабочего представляет из себя голый физический труд и что по своей природе рабочая сила человека ничем не отличается от силы животного и, следовательно, не может создавать прибавочную стоимость. Жуковский, например, писал по поводу марксова анализа процесса труда и процесса возрастания стоимости, что «те же совершенно рассуждения применимы не только к человеческому труду, но и ко всякой другой производительной силе: земле, дереву, лошади, волу и прочее»⁴⁴. Отождествляя труд наемного рабочего с операциями рабочего скота, идеологи буржуазии пытались свести на нет основное положение Маркса о том, что только рабочий создает прибавочную стоимость — источник обогащения капиталистов. Апологеты буржуазии рассчитывали, что с помощью их словесных ухищрений «вся его (Маркса.— Б. Л.) защита рабочего вопроса будет лишена прочного основания»⁴⁵ и тогда-де, по их мнению, можно будет внедрять в сознание рабочих уважение к капиталистам, необходимость отказа от борьбы за улучшение своего положения, а следовательно, и от революционного преобразования общества.

Именно такой смысл имели слова Бунге, когда он писал, что «большинство предпринимателей-капиталистов» достигло якобы «общественного положения и богатства» «умом, трудолюбием и бережливостью»⁴⁶. «Обратить приобретенное этими тружениками (!) имущество в общественное достояние,— продолжал Бунге,— не есть ли вопиющая несправедливость, ограбление лучших людей из трудящегося (!) клас-

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 117.

⁴¹ Ю. Жуковский. Карл Маркс и его книга о Капитале. «Вестник Европы», сентябрь 1877 г., № 9, стр. 77.

⁴² Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы СПб. 1895, стр. 126—127.

⁴³ Л. Слонимский. Экономическое учение Карла Маркса. СПб. 1898, стр. 126, 128.

⁴⁴ Ю. Жуковский. Указ. соч., стр. 77.

⁴⁵ Там же, стр. 97.

⁴⁶ Н. Х. Бунге. Указ. соч., стр. 137.

са?»⁴⁷. Особую привилегию буржуазии — безвозмездно присваивать прибавочную стоимость — Жуковский обосновывал тем, что якобы «прибыль возникает» не в процессе труда, а «из направления или организации труда»⁴⁸, иными словами, в результате «психической деятельности» капиталиста. «Работник же, ничего не изобретавший и ничего не организовавший, а только постоянно организуемый, не имеет никакого основания заявлять на нее (прибыль.— Б. Л.) малейшие притязания»⁴⁹. Жуковскому вторит в этом же духе Слонимский⁵⁰.

С превратным толкованием природы капитала связан был взгляд буржуазных идеологов и на промышленную резервную армию. Не вникая в действительные причины относительного перенаселения, они пытались с помощью избитых мальтузианских доводов опровергнуть открытый К. Марксом капиталистический закон народонаселения, согласно которому «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»⁵¹. В этой (тщетной!) попытке опровергнуть названный экономический закон особенно бесцеремонно проявил себя Л. З. Слонимский⁵².

Вразрез с действительностью буржуазные идеологи фарисейски уверяли, что в капиталистическом обществе нет эксплуатации, поэтому якобы нет места и антагонизму между трудом и капиталом. Они проповедовали социальный мир между классами, восхваляли оппортунизм в рабочем движении и возвеличивали филантропию буржуазии. Возводя клевету на все революционное, они открыто призывали к применению насилия в отношении пролетариата. Слонимский, в частности, писал, что буржуазия могла бы принять охранительные меры против революции «при помощи средств и сил государства, не дожидаясь дальнейшей организации рабочего класса, она могла бы стеснить его развитие, затруднить ему доступ к образованию и заранее обеспечить себе победу, пока рабочие еще бессильны, и нелепо было бы ожидать, что она будет действовать в противоположном смысле с точки зрения предстоящей борьбы за существование»⁵³.

С особым старанием идеологи буржуазии извращали историческую миссию пролетариата. Они дошли до чудовищных измышлений, вроде того, что пролетариат хочет якобы совершить переворот лишь с целью увеличения своих доходов, что Маркс писал будто бы о коммунизме как эпохе «господства мускульного труда над умственным, исполнительской работы над устроительной, механической рутинной работой рабочих масс — над предприимчивостью» и т. д. и т. п.⁵⁴. Все эти утверждения представляли собою не что иное, как грязную клевету на рабочий класс, на марксизм.

Будучи идеологией единственного до конца последовательного революционного класса, каковым является пролетариат, марксизм обладает необыкновенной притягательной силой. Поэтому-то открытые идеологи буржуазии и развернули против него разнузданную кампанию. Одновременно был предпринят и замаскированный поход против пролетарской научной идеологии «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.) и «экономистами» (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и т. д.).

«Легальные марксисты» рассматривали рабочий вопрос с позиций ревизионизма. Они только на словах были солидарны с автором «Капита-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Ю. Жуковский. Указ. соч., стр. 85.

⁴⁹ Там же, стр. 101.

⁵⁰ Л. Слонимский. Указ. соч., стр. 159—160.

⁵¹ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 637.

⁵² Л. Слонимский. Указ. соч., стр. 131—133.

⁵³ Там же, стр. 114.

⁵⁴ Там же, стр. 170—171, 186.

ла», а на деле извращенно толковали его учение о природе капитала. Туган-Барановский, называя «экономическую и социологическую систему Маркса... самым замечательным продуктом человеческой мысли»⁵⁵, в то же время заявлял: «Рабочую силу нельзя называть переменным капиталом, а средства производства постоянным, так как и рабочие и средства производства в равной мере создают прибавочную ценность, а следовательно, в равной мере составляют переменный капитал. Деление капитала на постоянный и переменный должно быть совершенно отброшено»⁵⁶.

Игнорирование действительно существующего деления капитала давало «легальным марксистам» возможность истолковывать все явления капиталистического общества, в частности: роль рабочих в производстве, их экономическое положение, судьбы рабочего класса и т. д.— с буржуазных позиций. Под флагом «критического претворения и дальнейшего развития» марксизма они объявили о необходимости отказа от «экономической теории прибавочной ценности» и предложили «вообще критически пересмотреть всю экономическую теорию Маркса, как таковую»⁵⁷. Как и у открытых идеологов буржуазии, из неправильных суждений о природе капитала, значения и роли рабочего в производстве вытекал и характер взглядов «легальных марксистов» на все остальные стороны рабочего вопроса. Они отвергали всякую связь проблемы разделения общественного продукта между классами с производством и образованием стоимости продукта, бездоказательно объявив при этом, что распределение национального дохода является лишь проблемой присвоения его. «Проблема разделения общественного продукта между социальными классами,— заявил П. Струве,— не связана непосредственно ни с вопросом создания продукта, ни с вопросами об образовании и мерила ценности, а является по существу проблемой присвоения продукта (и ценностей) различными агентами производства или, вообще, хозяйства»⁵⁸. Своими псевдонаучными рассуждениями «легальные марксисты», по существу, санкционировали право буржуазии и впредь безвозмездно присваивать прибавочную стоимость и обязанность пролетариата нести и дальше ярмо наемного рабства.

Говоря о заработной плате, «легальные марксисты» прошли мимо ее сущности. Они предпочли отделаться лишь эклектичным описанием форм заработной платы и поверхностным суждением о ней⁵⁹, сопровождая его даже утверждениями о необходимости низкого уровня ее. Струве, например, писал: «При низком культурном уровне рабочего населения повышение заработной платы не увеличивает интенсивность труда, а скорее, наоборот, понижает ее, располагая рабочих к лени...»⁶⁰. Показательно, что при этом Струве не сказал ни слова о нараставшем паразитизме буржуазии. Тенденциозным и лживым было также утверждение «легальных марксистов» о происходившем якобы росте заработной платы. Струве без всяких доказательств декларировал, что в «современном обществе несомненно растет относительная заработная плата по крайней мере занятых рабочих» и происходит «экономический подъем рабочего класса»⁶¹. В таком же духе выступал и Туган-Барановский. Эти высказывания находились в вопиющем противоречии с действитель-

⁵⁵ М. Туган-Барановский. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса. Журнал «Научное обозрение», 1899, № 5, стр. 973.

⁵⁶ М. Туган-Барановский. Трудовая ценность и теория прибыли. «Научное обозрение», 1900, № 3, стр. 632.

⁵⁷ П. Струве. Против ортодоксии. Журнал «Жизнь», октябрь 1899 г., стр. 178.

⁵⁸ Петр Струве. Основная антиномия теории трудовой ценности. «Жизнь», февраль 1900 г., стр. 304—305.

⁵⁹ П. Струве. Заработная плата. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Кн. 23. СПб. 1894, стр. 284—295; М. Туган-Барановский. Трудовая ценность и теория прибыли, стр. 620.

⁶⁰ П. Струве. Заработная плата, стр. 288.

⁶¹ Петр Струве. Основная антиномия теории трудовой ценности, стр. 303.

ностью. К. Маркс установил, что «общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, т. е. в большей или меньшей степени низводит стоимость труда до ее минимального предела»⁶². Эту закономерность в движении заработной платы буржуазные экономисты и статистики всячески стараются скрыть. Однако она постоянно проявляется в странах капитала в падении реальной заработной платы рабочих и в систематическом уменьшении доли ее в национальном доходе.

Пытаясь замазать истинную причину относительного перенаселения, «легальные марксисты» утверждали, что в России оно не носит капиталистического характера, и с целью подтверждения своих мальтузианских утверждений подтасовывали статистические данные. Так, П. Струве, полемизируя с Даниельсоном, «доказывал», что аграрное перенаселение как в дореформенный, так и в пореформенный период не было капиталистическим, и при этом подчеркивал совпадение своих взглядов с мнением проповедника мальтузианства Ф.-А. Ланге⁶³. В действительности же относительное перенаселение в России объяснялось развитием капитализма не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в результате чего накапливалась многочисленная армия безработных.

Прикрываясь марксистской фразеологией и пользуясь в этой части опытом западноевропейских оппортунистов и ревизионистов, «легальные марксисты» не признавали антагонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией, пытались «доказать», что происходит якобы «притупление» общественных противоречий, отрицали неизбежность и необходимость социальной революции и диктатуры пролетариата. Поэтому они всячески умаляли значение рабочего движения. Проводя эволюционизм и вытекавший из него реформизм, замаскированные идеологи буржуазии лелеяли надежду направить рабочее движение по оппортунистическому пути. С этой целью они стремились извратить существо революционной теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Струве, например, писал, что «первая попытка начертать историю развития современного общества» — «Манифест Коммунистической партии» — проникнута якобы глубоко эволюционным духом⁶⁴, хотя этому противоречит все содержание замечательного произведения марксизма.

Показательно отношение «легальных марксистов» к фабрично-заводскому законодательству. Они истолковывали его появление в России как результат гуманного и заботливого отношения буржуазии и государства к нуждам рабочих⁶⁵. В действительности же законодательство было плодом решительной борьбы пролетариата за свои права. Взгляд «легальных марксистов» на законодательство по рабочему вопросу вытекал из их неверных представлений о природе государства. Они считали государство надклассовым органом. По мнению П. Струве, даже «родовой быт» «знал государство» и последнее будет существовать и в обществе, где «исчезнет господство одних социальных групп над другими»⁶⁶. Весь смысл заявления о надклассовости государства состоял в том, чтобы объяснить буржуазное государство вечным, завуалировать его классовую сущность, его антипролетарскую направленность. Характерно, что в своих рассуждениях о будущем обществе «легальные марксисты» замалчивали роль пролетариата в преобразовании существующего буржуазного строя. Они

⁶² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Госполитиздат. 1955, стр. 406.

⁶³ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. 1894, стр. 183—184.

⁶⁴ Петр Струве. Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих. Журнал «Новое слово», сентябрь 1897 г., стр. 178.

⁶⁵ М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб. 1898, стр. 360—361, 385.

⁶⁶ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, стр. 53, 279—281.

мыслили это преобразование не иначе, как только путем буржуазных реформ. При этом они бесцеремонно заявляли, что и «последователи» Маркса якобы стоят за путь реформ и тем самым вносят существенный «корректив» в учение К. Маркса. Именно такие «коррективы», исключавшие из марксизма учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, в то время вносились ревизионистами.

Наряду с «легальным марксизмом» такой же замаскированной попыткой подчинить рабочий класс идеологическому влиянию буржуазии и тем самым получить возможность решать рабочий вопрос только в интересах капиталистов являлся «экономизм». Он возник в конце XIX в. и представлял собой оппортунистическое течение в русской социал-демократии. Характеризуя «экономизм», В. И. Ленин писал: «Его главной теоретической опорой был т. наз. «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии»⁶⁷.

Сущность «экономизма» предопределила и его отношение к рабочему вопросу. Одной из особенностей «экономистов» было замалчивание и даже умаление боевых традиций пролетариата, что нашло свое отражение на страницах их газеты «Рабочая мысль»⁶⁸, и особенно в «Кредо», написанном Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем. Русские революционные социал-демократы во главе с В. И. Лениным, как известно, дали сокрушительный отпор этим попыткам принизить революционное прошлое русского пролетариата⁶⁹. Характерным для «экономистов» было восхваление ими старых форм организации рабочих и отульное охаивание в связи с этим промышленного пролетариата.

В своих выступлениях «экономисты» искаженно представляли не только историю, но и положение современного им пролетариата. «В настоящее время (конец 90-х годов.— *Б. Л.*) можно с уверенностью сказать,— писали Кускова и Прокопович,— что русское рабочее движение находится еще в амевовидном состоянии и никакой формы не создало»⁷⁰. Этот тезис находился в вопиющем противоречии с развернувшимся в то время в стране стачечным движением. Типичным для «экономистов» было приукрашивание ими крайне низкого жизненного уровня пролетариата. Вслед за Бернштейном они отрицали, что капитализм несет рабочим обнищание. Особенно изощрялся в этом отношении С. Прокопович, считавший, что безработицу, бич рабочего класса, можно ликвидировать при капитализме⁷¹.

Обращая свои взоры на отсталые слои пролетариата, «экономисты» преклонялись перед стихийностью рабочего движения и всячески третировали выработанную марксизмом социалистическую теорию, которую несли рабочим революционные социал-демократы. Прокопович, например, вообще отрицал научность марксистской «концепции рабочего движения»⁷². В. И. Ленин заметил по этому поводу следующее: «Г-н Прокопович с таким усердием молится самоновейшему божку (ревизионисту Бернштейну.— *Б. Л.*)..., что не жалеет своего лба»⁷³.

«Экономисты» понимали под классовой борьбой преимущественно экономическую борьбу «с капиталом на поле ежедневных насущных интересов». Правда, «экономисты» признавали и политическую борьбу, но в безмерно узком понимании. Вследствие якобы незрелости русского пролетариата для политической борьбы они ограничивали ее требованиями

⁶⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 301.

⁶⁸ Газета «Рабочая мысль», № 1, октябрь 1897 г.; отдельное приложение к этой газете за сентябрь 1899 года.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 156—163.

⁷⁰ Цит. по: В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 155.

⁷¹ С. Н. Прокопович. Рабочее движение на Западе. СПб. 1899, стр. 150—151.

⁷² Там же, стр. 156—157.

⁷³ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 172.

тред-юнионистского характера, а также участием рабочих под руководством либеральной буржуазии в «борьбе за земское и городское общественное самоуправление»⁷⁴, то есть, по сути дела, сводили политическую борьбу на нет. В отстаивании «экономистами» экономической борьбы как главной формы классовых боев отражалось стремление буржуазии затормозить рабочее движение, оставив его в стихийном, разрозненном состоянии. Об этом свидетельствовало прежде всего отрицание «экономистами» необходимости самостоятельной политической партии пролетариата. «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии,— говорилось в пресловутом «Кредо»,— суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву... Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»⁷⁵. Эту декларацию В. И. Ленин назвал квинтэссенцией социал-демократического оппортунизма⁷⁶.

В соответствии со своими воззрениями на экономическую и политическую борьбу «экономисты» признавали в забастовках только их экономическую сторону. Пропагандой такого понимания стачек они неизбежно тормозили процесс перерастания экономических стачек в политические и, таким образом, задерживали развитие революционного рабочего движения. Такое отношение к стачкам усугублялось тем, что «экономисты» пропагандировали невмешательство социал-демократии в стачечную борьбу рабочих, проповедовали самотек и обрекали тем самым пролетариат на поражение.

Характерно отношение «экономистов» к профессиональным союзам. Особую симпатию оппортунисты проявляли к профессиональным организациям раннего периода с их средневековыми пережитками, «миролюбивым духом» и одновременно поносили союзы промышленного пролетариата. Они выступали против участия профессиональных организаций в политической борьбе и отвергали необходимость руководства ими со стороны пролетарской партии⁷⁷. Примечательно, что «экономисты» восхищались гириш-дункеровскими немецкими профсоюзами, стоявшими за отказ от политической борьбы, за классовое сотрудничество и срывавшими неоднократно забастовки. Консервативные взгляды «экономистов» на профессиональные союзы были подвергнуты В. И. Лениным уничтожающей критике⁷⁸.

Нельзя не отметить также переоценку «экономистами» значения рабочих касс. Они всячески поддерживали распространенное среди части рабочих ошибочное мнение о том, что достаточно якобы накопить в рабочих кассах нужные средства, и успех пролетариата в экономической борьбе обеспечен. Они даже торжественно объявляли, что каждая из касс дороже для рабочего движения, «чем сотня других организаций»⁷⁹. Несостоятельность этих заявлений была вскрыта В. И. Лениным. Он со всей силой подчеркивал, что стачечная борьба будет успешной только тогда, когда она возглавляется самостоятельной политической партией пролетариата. Партия должна использовать в своей работе и такие организации, как рабочие кассы и т. п., для дальнейшего развертывания пролетарской борьбы⁸⁰.

Среди вредных иллюзий, распространявшихся «экономистами», следует отметить и их взгляды на производительные и потребительские товарищества рабочих. Наиболее рьяным пропагандистом этих иллюзий являлся Прокопович, прибегавший с этой целью к фальсификации фактов

⁷⁴ Отдельное приложение к «Рабочей мысли» за сентябрь 1899 года.

⁷⁵ Цит. по: В. И. Ленин, Соч. Т. 4, стр. 156.

⁷⁶ См. В. И. Ленин, Соч. Т. 11, стр. 383.

⁷⁷ С. Н. Прокопович, Указ. соч., стр. 129.

⁷⁸ См. В. И. Ленин, Соч. Т. 4, стр. 267.

⁷⁹ «Рабочая мысль», № 1, октябрь 1897 года.

⁸⁰ См. В. И. Ленин, Соч. Т. 4, стр. 263—273, 286—295.

и уличенный в этом В. И. Лениным⁸¹. «Экономисты» старались всеми способами отвлечь пролетариат от его истинных классовых интересов, создать видимость коренного улучшения его материального положения при капитализме и обосновать таким путем возможность решения рабочего вопроса в рамках буржуазного общества.

О том, что «экономисты» вовсе не думали об улучшении жизни рабочих, свидетельствуют их высказывания о будущем обществе. Последнее представлялось им не как социализм, устанавливаемый в результате победы пролетарской революции, а как реформированный буржуазный строй. В этом отношении «экономисты» слепо следовали за Бернштейном, считая, что «социализм есть лишь дальнейшее высшее развитие современной (то есть буржуазной.— *Б. Л.*) общественности»⁸². Поэтому и переход к этому «новому» строю они мыслили не иначе, как только через буржуазные реформы. Прокопович, например, объявил единственно закономерным не революционное, а эволюционное общественное развитие и в связи с этим писал, что «социальный переворот» может осуществляться «лишь путем целой серии органических реформ, которые нуждаются для своего проведения во времени и в общественном порядке»⁸³. Здесь ясно виден отказ от пролетарской революции и диктатуры пролетариата в пользу реформизма, отрицание исторической миссии пролетариата в революционном преобразовании буржуазного общества.

Русская революционная социал-демократия во главе с В. И. Лениным съявила решительную и непримиримую войну «экономизму», в ходе которой он был полностью разоблачен и разгромлен. Эта борьба имела громадное положительное значение не только для русского, но и для всего международного пролетариата, поскольку «экономизм» был лишь русской разновидностью бернштейнианства и ревизионизма.

Подведем некоторые итоги. Идеологи каждого класса освещали рабочий вопрос в России в последней четверти XIX в. только со своих классовых позиций. По-разному смотрели на рабочий вопрос идеологи крупной и мелкой буржуазии и представители помещиков. С принципиально противоположных позиций подходили к решению рабочего вопроса в России идеологи рабочего класса — марксисты. Следовательно, рабочий вопрос по самой своей природе является классовым вопросом. Он исторически ограничен и, как указывал В. И. Ленин, существует лишь в капиталистическом обществе⁸⁴.

Историческая ограниченность рабочего вопроса нашла свое подтверждение в последующем ходе событий в России. В октябре 1917 г. рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией, при поддержке беднейшего крестьянства, сверг в стране власть капиталистов и помещиков, установил диктатуру пролетариата и из угнетенного класса превратился в господствующий. Таким образом, рабочий вопрос был решен. То же самое произошло после второй мировой войны и в странах народной демократии.

Исторический опыт СССР и других социалистических стран является самым ярким доказательством того, что рабочий вопрос как таковой может быть решен только путем ликвидации буржуазного общества, в результате социалистической революции. И современные буржуазные реформаторы самых различных «школ» и «направлений», проповедующие возможность коренного улучшения положения рабочего класса и трудящихся масс при капитализме, так же далеки от истины, как и их духовные собратья — русские дворянские и буржуазные публицисты, либеральные народники, «легальные марксисты» и «экономисты», выступавшие более полувека тому назад.

⁸¹ См. там же, стр. 171.

⁸² Отдельное приложение к «Рабочей мысли» за сентябрь 1899 года.

⁸³ С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 189.

⁸⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 433.